

ПЕРЛ
БАК

•

ПЕРЛ
БАК

ГОРДОЕ
СЕРДЦЕ

•



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б19

Серия «Neoclassic проза»

Pearl S. Buck

THIS PROUD HEART

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения InkWell Management LLC
и Synopsis Literary Agency.

Б19 **Бак, Перл.** Гордое сердце : [роман] / Перл Бак ; [перевод с английского *Н. Холмогоровой*]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-178249-8


Это история о молодой женщине Сьюзен Гейлорд, начинающем и талантливом скульпторе, которая пытается найти баланс между личными амбициями и общественными ожиданиями. В отличие от многих женщин, живущих в Америке начала прошлого века, Сьюзен не желает довольствоваться только ролью домохозяйки, она хочет построить карьеру, оставаясь при этом хорошей женой и любящей матерью. Сможет ли героиня отстоять право быть самой собой?

В романе «Гордое сердце» прослеживаются автобиографические мотивы, считается, что главная героиня во многом является альтер эго Перл Бак, через нее она высказывает собственные размышления о правах женщин.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Pearl S. Buck Family Trust, 1938, renewed 1965

© Перевод. Н. Холмогорова, 2025

 Школа перевода Баканова, 2025

ISBN 978-5-17-178249-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Посвящается Р. Дж. У.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Сьюзан Гейлорд выходит замуж!» Эти слова она слышала так ясно, будто их твердило все вокруг. Об этом шелестели деревья Бродяжьего леса, об этом чирикала птичка в ветвях вяза неподалеку от места, где стояли они с Марком, об этом пронзительно стрекотал ранний весенний сверчок.

Об этом с трепетом спрашивал ее Марк своим ровным глубоким голосом:

— Сьюзан, скажи, ты... ты выйдешь за меня замуж?

Она прекрасно знала: именно в этот день, в этот час Марк сделает ей предложение. В этом мужчине для нее сюрпризов не было. С первого дня в пятом классе, когда он, крупный застенчивый мальчик с соседней фермы, неловко вошел в классную комнату, они всегда были друг у друга на виду. Каждый день вместе в школе: Сьюзан — всегда энергичная и веселая, Марк — большой и неловкий, пристраивается где-нибудь с краю и смотрит на нее. С самого первого дня он не сводил с нее глаз.

— Я хочу выйти замуж, — ответила она, откинув голову, — и хочу стать твоей женой.

Марк вздрогнул. Она ощутила, как дрожат его широкие ладони у нее на плечах.

Вот и все. Она выходит замуж. Из всего на свете, о чем мечтала Сьюзан, эта ее мечта исполнится первой.

Марк привлек ее к себе. Сюзан ощутила непривычное давление его жесткого, угловатого тела. Она не была ни маленькой, ни худенькой, как большинство девушек, — но сейчас, рядом с ним, словно уменьшилась в размерах; и, пока он обнимал ее, пока целовал глубоко и страстно, она спокойно, бестрепетно наслаждалась этими новыми ощущениями.

— Всегда мечтал это сделать, — сказал он, оторвавшись от нее. — С самого первого дня!

— Ты даже в играх с поцелуями никогда меня не выбирал! — со смехом заметила Сюзан.

— Терпеть не могу игры с поцелуями, — коротко ответил он. — Если уж целоваться, так по-настоящему. — И на мгновение замер, по-прежнему прижимая ее к себе.

— Понимаю, — прошептала она.

Долго они стояли в молчании. Сюзан прильнула к Марку, чувствуя, как растворяется и уходит ее вечное беспокойство.

Ей всегда трудно было понять, чего она хочет. Много лет назад профессор Кинкейд, преподаватель английского, сказал: «Сюзан, если захочешь, ты сможешь стать писательницей». Но потом, съездив с отцом в театр в Нью-Йорке, она захотела стать актрисой. Уже много лет чувствовала себя так, словно играет на сцене, изображает из себя другого. И может стать кем угодно — стоит только захотеть.

Но еще ее руки... Да, она хочет что-то делать руками. Сюзан нравилось ощущать пальцами материал, с которым можно работать, — более плотный, чем музыка, которой учил ее отец. И она не знала покоя, не понимая, чем занять руки. Хотела всего сразу. Ей нравилось все. Тогда-то она и решила выйти замуж и нарожать много-много детей.

На миг уйдя в себя, Сюзан вспоминала свои ощущения, когда на прошлой неделе лепила голову Мэри, млад-

шей сестры. Руки двигались легко и умело. Радостная, она позвала сестру:

— Мэри, пойди сюда! Взгляни, как ты у меня вышла!

Мэри подошла, взгляделась. Сьюзан ждала, что сейчас она воскликнет с удивлением: «Сьюзан, какое чудо! Точь-в-точь я!» Но Мэри протянула руки и смяла влажную глину в бесформенный ком.

— Какая гадость! — воскликнула она. — Ты меня сделала уродиной! Ты меня ненавидишь! — И выбежала в слезах.

Сьюзан, пораженная настолько, что ничего не смогла ответить, молча подобрала глину и скатала в аккуратный шар. Она знала, что Мэри у нее получилась, — чувствовала по ощущению в пальцах и ладонях. Это и есть Мэри, нравится ей это или нет. И сейчас, при одном воспоминании, ладони у нее горели, а пальцы сами сжимались и разжимались.

— Марк! — заговорила Сьюзан, вспомнив о нем и снова взглянув на него. — Когда мы поженимся, ты не будешь возражать, если я серьезно займусь скульптурой? Разумеется, так, чтобы это не мешало нашей жизни.

— Я хочу, чтобы ты всегда делала все, что хочешь, — ответил Марк.

В ясных голубых глазах его отразилась робость.

— Знаю, Сью, — сказал он, — ты для меня слишком хороша. Семья у меня... ну, из простых. Сам я тоже несложный. А ты самая одаренная девушка в городе!

— Ну что за глупости! — безмятежно откликнулась она. — Кто я такая — просто дочка бедного учителя!

Вдруг ее охватило нетерпеливое желание начать все и сразу. Сьюзан быстро поцеловала Марка и, рассмеявшись, схватила за руку.

— Побежали! — воскликнула она.

Они бежали домой через лес, и Сьюзан, словно летя над землей, думала в такт своим легким шагам: «Я выхожу замуж! Я выхожу замуж!»

— Лучше бы ты, Сьюзан, — сказала миссис Гейлорд, — не выходила замуж так рано. Это ведь значит связать себя по рукам и ногам.

— Но я хочу замуж, — ответила Сьюзан.

Мать промолчала.

Они работали в швейной комнате, сметывали и подрубали свадебное платье. Сидели здесь вдвоем с самого завтрака, и все это время Сьюзан видела, что мать хочет что-то сказать. Скорее всего, намеками и обиняками: говорить о замужестве напрямик матери было неловко.

Однажды, несколько лет назад, когда Марк впервые пригласил Сьюзан на свидание, мать тоже попыталась с ней поговорить.

Тогда Сьюзан вернулась домой в двенадцатом часу, покрасневшая от какого-то неведомого прежде волнения, — и обнаружила, что мама ждет в ее комнате, завернувшись в свой коричневый халат, с заплетенными на ночь мелкими косичками, из которых наутро должны были выйти «волны».

— Сьюзан, — начала она с несчастным видом, — наверное, я должна серьезно с тобой поговорить.

— Что такое, мама? — спросила Сьюзан, глядя на нее прямо и открыто.

— Ну, ты у меня уже большая... — нерешительно заговорила мать.

Ей было неловко; Сьюзан это чувствовала — и у нее вдруг загорелись щеки и сердце гулко забухало в груди.

— Это насчет Марка? — напряженно спросила она.

— Это насчет всех молодых людей, — ответила мать.

— Мама, не беспокойся! — быстро ответила Сьюзан. — У нас с Марком все хорошо. И потом, если что, я могу за себя постоять.

— Что ж, — вздохнула мать, — раз ты и сама все понимаешь...

И смущенно, с жарким румянцем на щеках, расцеловала Сьюзан.

Когда мать выходила, пояс ее халата, волочившийся по полу, защемило дверью.

— О боже мой! — воскликнула она из коридора.

— Подожди, сейчас помогу! — крикнула Сьюзан и сама освободила мать из ловушки.

Теперь, нынешним утром, Сьюзан лукаво улыбнулась себе. Вчера они с Марком над этим шутили.

— Как только мама узнает, что теперь мы по-настоящему помолвлены, — говорила Сьюзан, — сразу скажет: «Я должна с тобой поговорить!»

— Обо мне? — серьезно поинтересовался Марк. — Представляю, как твой отец спрашивает, подняв брови: «Итак, молодой человек, почему вы решили жениться на моей дочери?» А я не знаю, что ответить. Совсем как на экзамене по поэзии, который я ему так и не сдал!

— Маму твои экзамены не интересуют, — со смехом ответила Сьюзан. — Нет, она просто захочет поговорить со мной о жизни.

— Просветить, откуда берутся дети? — уточнил он.

Она кивнула, и оба снова расхохотались...

— Может быть, сделать несколько складок у выреза сзади? — спросила мать.

— Я их уже наметала, — ответила Сьюзан.

Запустив швейную машинку, она прострочила шлейф, а затем примерила юбку.

— С чувством стиля у тебя очень хорошо, — неохотно заметила мать. — И работаешь так быстро, что, казалось бы, должна ошибаться на каждом шагу, — но нет, не ошибаешься. Не понимаю, как тебе это удается!

— Я пальцами чувствую, верно выходит или нет, — ответила Сюзан.

Она знала это необъяснимое чувство, когда то, что выходит из рук, в точности соответствует замыслу. Такое случалось в самых разных занятиях, чаще всего во время лепки. Но «верным» бывал и простроченный шов, и испеченный пирог, и букет в вазе. Сюзан заранее знала, каким все должно быть, как должно выглядеть: в голове у нее уже была картинка — и пальцы, послушные и умелые рабы, воплощали ее видение в жизнь.

— Уж собственное-то свадебное платье я сумею сшить как следует! — с улыбкой добавила она.

Платье можно было купить или заказать. «Купи себе все, что захочешь, Сюзан, — сказал отец и выдал ей сотню долларов. — Это цена по меньшей мере двадцати стихотворений. Господи, как дешева нынче поэзия! Я рад, что твой молодой человек бросил стихи и занялся недвижимостью».

Отец преподавал литературу в колледже их городка; тут же, в кампусе при колледже, они и жили. Настоящим своим делом считал поэзию, хоть так никого и не смог в этом убедить. Однако деньги, вырученные за стихи, отец не желал тратить на то, что называл «хлебом с маслом».

Сюзан с благодарностью приняла сто долларов и обошла все магазины, внимательно разглядывая свадебные платья. Чем дальше смотрела, тем лучше понимала, каким должно быть ее собственное, — не похожее ни на одно из них. Платье придется сшить самой. Так что Сюзан купила несколько ярдов тяжелого атласа, почти белого, но не совсем — оттенка слоновой кости. Ей нужна была белизна, только не холодная, снежная, а теплая. Десять долларов заплатила за очень тонкие кружева и еще десять — за облако тюля.

— Выкройка вам не нужна? — спросила продавщица.

— Нет, спасибо, — ответила она.

Начав кроить, она, можно сказать, забыла, что шьет себе свадебное платье. Даже о Марке забыла — полностью погрузилась в свое дело. Так бывало всегда, когда Сьюзан что-то делала своими руками: ее увлекал процесс, и душу наполняла гармония.

Сейчас она приложила материал к своему сильному молодому телу.

— Должна признать, выглядит изумительно! — сказала мать и вздохнула.

— Устала? — быстро спросила Сьюзан, услышав вздох.

— Нет, — ответила мать и поджала губы. Под низким потолком швейной комнаты становилось жарко; мать сдвинула на лоб очки и утерла круглое увядшее лицо белым передником.

В молчаливой работе, в гармонии внутри себя Сьюзан ощутила какой-то диссонанс. Словно в оконное стекло с жужжанием билась оса. Сьюзан подняла голову. Ее сестра Мэри медленно, старательно играла «Утешение» Мендельсона — и там, где у Мендельсона мелодия шла к кульминации, каждый раз ее сглаживала. Сьюзан поколебалась, прислушалась опять. Новый повтор — снова кульминация прозвучала плоско и безжизненно, и эта ошибка откликнулась у нее в ушах настоящей болью. Сьюзан положила атлас и быстрым шагом пошла к двери.

— Что ты... — начала мать, но Сьюзан ничего не стала объяснять. Надо остановить Мэри, пока она снова не добралась до кульминации! Полная почти физического ужаса, Сьюзан торопливо открыла дверь в гостиную.

— Мэри! — мягко начала она. Со своей сестрой, на пять лет моложе, Сьюзан всегда держалась мягко.

Мэри за роялем молча, вопросительно повернула к сестре смуглое личико. Аккуратные тонкие руки застыли на клавишах.

— Милая, ты... можно я тебе покажу? — Сьюзан мягко подвинула Мэри, села на скамью с ней рядом и негромко проиграла мелодию от начала до конца. — Вот так, а потом так, слышишь? Как будто говорит: «Не грусти, не надо больше печалиться — вспомни, о, вспомни ту радость, что была у нас!» — это же мажор, а не минор. Вот так! — Повторила опять, с облегчением от того, что своими руками стирает боль от фальшивой ноты. И еще раз — уже громко и торжествующе, забыв о Мэри, полностью захваченная собственной игрой.

— Я никогда так не смогу, — донесся до нее голос Мэри. Еле слышный, почти испуганный.

— Разумеется, сможешь! — весело ответила Сьюзан и встала со скамьи. — Попробуешь еще раз? Я тебе покажу...

Но тут же ощутила ее настроение. В конце концов, самой Сьюзан уже двадцать, а Мэри всего пятнадцать.

— Нет-нет, конечно, тебе лучше поработать самой. Все получится, вот увидишь! Ты играешь лучше и лучше с каждым днем! — заговорила она, спеша успокоить и приободрить сестру. Сьюзан хотелось, чтобы все вокруг были счастливы.

— Пожалуй, на сегодня хватит с меня рояля, — сказала Мэри и, крепко сжав маленький алый рот, закрыла ноты.

— Хорошо, милая, — с улыбкой ответила Сьюзан. — А я побегу шить дальше. Не хочешь посмотреть на мое платье?

— Потом, — ответила Мэри.

Она не смотрела на Сьюзан — и не улыбнулась в ответ. Обеими руками откинула за спину прямые черные волосы и медленно пошла прочь.

Сьюзан вернулась в швейную и снова взялась за атлас.

— Что там такое? — спросила мать.

— Мэри неверно играла, — объяснила Сьюзан.

Мать промолчала. Жаркий воздух под низкой крышей, казалось, волной струился вверх.

— Понимаю, ты не хотела ничего дурного, — сказала наконец мать, — но Мэри сейчас очень чувствительна — такой уж у нее возраст. На твоём месте я бы не стала ее ни в чем поправлять.

— Да нет, я не поправляла! — торопливо возразила Сьюзан. — Терпеть не могу делать замечания. Просто она так фальшивила, что слушать было невозможно! У меня от такого мурашки по коже. Ладони потеют, и пересыхает во рту. Глупо, но так и есть.

— Значит, уйди куда-нибудь, чтобы ее не слышать, — ответила мать. И, немного помолчав, добавила: — Ты, Сьюзан, иногда слишком уж бесцеремонна. Тебе стоит следить за собой.

Сьюзан промолчала, чувствуя в голосе матери упрек. Она нередко ощущала, как что-то встает между нею и другими — какой-то тусклый, неопределимый туман, которого Сьюзан не желала замечать. И знала: если не отвечать, не пускаться в объяснения, если позволить жизни бежать своим чередом — туман уйдет. Туда и дорога. Ей нужно счастье — и вокруг, и в ней самой; она не смогла бы дышать туманом.

— Может быть, мне пойти приготовить соус? — спросила она.

— Хорошо, если хочешь, — ответила мать. И добавила: — Не понимаю, как тебе все удастся, но ты и соус для жаркого делаешь лучше меня.

Сьюзан наклонилась поцеловать мать.

— Что за глупости! — весело сказала она.

Но мать не улыбнулась в ответ. Сьюзан часто жалела, что мама как будто совсем не умеет улыбаться. К чему эта хмурая мина, когда все хорошо? Слишком легко сгущался туман между матерью и ею. «Но когда выйду замуж, —